

Нуаре Филипп

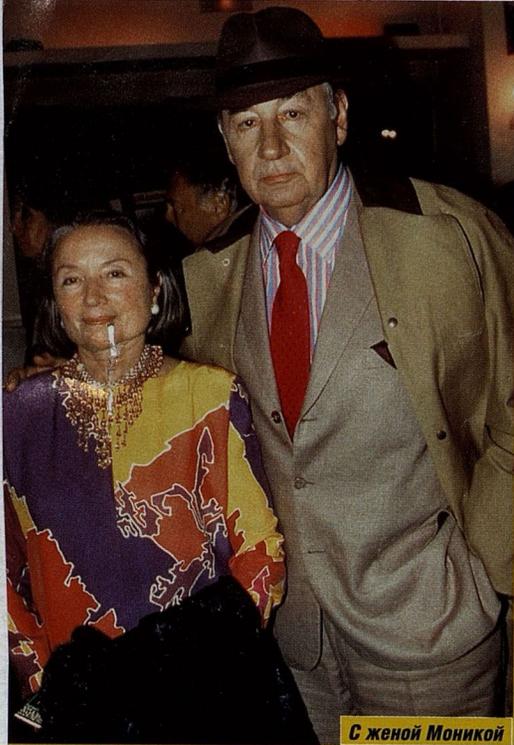
6.10.97.

Филиппа Нуаре

Сельские прогулки

«До сорока лет он был обжорой, — написал о Филиппе Нуаре его друг Жан Рошфор, — а потом внезапно перестал есть и стал эстетом. Я думаю, он изменил образ жизни и похудел для того, чтобы ему шел новый пиджак».

С женой Моникой

Провинция. Утро. Но не думайте, что вы увидите клочья тумана над заливными лугами или освещенные первыми лучами солнца легкие облака. Уже восемь часов. Когда Нуаре не снимается и живет на своей ферме, раньше он никогда не встает. Как говорит он сам: «Сибаритствую!». Но и ложится глубоко за полночь. Все читает книжки при свете старинной настольной лампы под абажуром. По утрам Нуаре совершает конные прогулки по окрестностям. Эту привычку привил ему давний друг Жан Рошфор. Теперь и сам Жан, изредка наезжая в гости, изумляется: «Филипп, я никогда не видел, чтобы кто-то так элегантно сядил на лошадь!». Но тут же, не дав Нуаре распылиться в довольной улыбке, добавляет: «Особенно если учесть твою комплекцию». Лицо Филиппа деланно вытягивается: он-то знает, что Жан — известный шутник.

Нуаре нравится эта глушь. Он с наслаждением глотает воздух, пахнущий теплым сеном. Слушает, как кудахчут куры и мычат коровы. Он представляется себе пожилым опытным фермером, пользующимся уважением соседей за порядок в хозяйстве и деловую сметку.

Кстати, очень часто коллеги или журналисты, решившие навестить его в доме на обочине глухой сельской дороги близ Каркассонна, бывают изумлены. Нуаре ассоциировался у них с дворянским замком, а они обнаруживают обыкновенную ферму с выбеленными стенами, деревянной мебелью и засушенными букетами цветов. И никаких шезлонгов, тренажеров или бассейнов. «Здесь провинция, а не Лазурный берег», — бурчит Нуаре.

Итак, Филипп Нуаре элегантно (чертов Жан!) садится на лошадь и довольно лихо выезжает за ворота. Путь привычный, каждый раз один и тот же. Через несколько минут Нуаре замедляет ход возле большого зеленого луга. Каждый раз он вспоминает здесь детство. Почему-то тогда, шестьдесят лет назад, счастье представлялось ему именно так: ферма, зеленый луг, лошади на лугу. Что для сына крупного коммерсанта, изрядно поездившего вместе с семьей по миру, согласитесь, странно. Ну почему бы ему, прожившему несколько лет с родителями в экзотической Касабланке, не мечтать о чем-то более романтическом? Впрочем, он всегда был непредсказуем. Даже святые

отцы-иезуиты в закрытом колледже не смогли вдолбить ему в голову, что молитва и любительский театр, к которому он так пристрастился, хотя, по сути, и являются духовной пищей, на самом деле — далеко не одно и то же. Родители сочли это увлечение обыкновенным разгильдяйством. Мол, ничего, подрастет — одумается. Они даже в Париж отпустили Филиппа в надежде, что его стремление стать актером достаточно скоро сойдет на нет при первых же трудностях.

Нуаре глубоко вздыхает. Каждый раз, вспоминая родителей, он жалеет, что не родился аристократом. Нет-нет, ему чуждо тщеславие подобного рода! Просто аристократы легко могут установить свою родословную. А он, Нуаре, при всех стараниях, дальше деда докопаться не смог.

А в Париже все получилось наоборот, совсем не так, как предполагали родители. Он попал в театр к Жану Вилару. Причем на актерство его благословил Жерар Филип. Но — вот парадокс судьбы! — начинающему двадцатилетнему актеру приходилось играть роли стариков. Чтобы «оттянуться», Нуаре с приятелем стали выступать в кабаре. Он работал по десять-двенадцать часов в сутки. Но чем больше он работал, тем сильнее хотелось остаться в Париже и продолжать играть. Зря ждали мама и папа. Возвращения блудного сына не состоялось.

В кино он начал сниматься поздно. Неудачный дебют в фильме Аньес Варда не в счет. Первую крупную роль в фильме Рене Клера «Все золото мира» он сыграл, когда ему было уже за тридцать. Это уже потом будут и «Старое ружье», и «Часовщик из

Репетиция у себя на ферме

Сен-Поля», и «Старая дева», и «Африканец», и «Счастливчик Александр», и «Орел или решка», и еще сотня других названий.

Потом будут давать престижные премии и без конца предлагать новые роли. И писать в крупных журналах об его привычках, характере. Ну, например, о том, что это он только выглядит ухоженным модником, а на самом деле к одежде предъявляет одно требование: чтобы была удобной. Ведь если фрачная тройка удобна, в ней даже спортом можно заниматься. Что он любит дарить подарки и делает это так умело, что подарки эти часто становятся талисманами. Что до сорока лет он был обжорой и любителем выпить, а потом некий потусторонний голос посоветовал ему немедленно изменить образ жизни; иначе... Нуаре решил, что жизнь стоит того, чтобы отказаться от некоторых привычек...

Прогулка завершена. Нуаре отводит лошадь в конюшню и направляется к дому. Он перед дилеммой: поехать ли после обеда с женой Моникой за покупками на рынок или заняться чтением сценария, который ему прислали? После недолгого размышления Нуаре останавливает свой выбор на сценарии.

С Анни Жирардо

Его вчера привез один молодой режиссер с просьбой помочь. Ладно, надо посмотреть, что за роль ему предлагают. А так — почему бы и не помочь? Он уже столько раз снимался в картинах начинающих кинематографистов, чтобы своим именем сделать им карьеру!

После чтения надо найти еще десять минут, зайти посмотреть лошадей. Вечером, когда придет дочь с внучкой, предстоит еще одна верховая прогулка. Дебора лихо гоняет верхом, норвяя обшопать деда. А Фредерик наверняка сразу же пойдет сплетничать с матерью. Ну и ладно. Нуаре на нее слегка сердится: несколько лет назад дочь написала роман. И там в образах родителей главной героини все узнали самого Нуаре и его жену Моникку.

Зато когда он с Деборой будет скакать по привычному маршруту, девочка наверняка попросит его рассказать что-нибудь. И он расскажет ей, как его отец и ее прадед воевали в первую мировую войну, как его самого наставляли на путь истинный монахи, а он мечтал о сцене... Как в детстве, едва он закрывал глаза, в воображении возникал большой зеленый луг и лошади, скачущие по нему. «И знаешь, Дебора, — пожалуй, присочинит он, — мне казалось, что на одной из лошадей скачет симпатичная маленькая девочка... Как ты думаешь, кто это был?» — «Я?» — улыбнется внучка. И в уголках глаз Нуаре появится сеточка лукавых морщин.

Сергей Надеждин

СРЕДА. НТВ. 0.25

Нуаре сел на любимого конька

